В.А.Михайлов,
доктор исторических наук, профессор

ПОЛИЭТНИЧЕСКИЙ РЕСУРС РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

В Послании Федеральному Собранию Президент Российской Федерации в качестве главной задачи выдвинул укрепление российской государственности.

В результате политической эволюции 1990-х годов Российская Федерация подошла к опасной черте, за которой мог последовать ее распад по сценарию СССР. Возможный механизм разрушения России убедительно показан в недавно вышедшей книге «Глобальный кризис западной цивилизации и Россия», написанной группой ученых страны под руководством академика Г.В.Осипова.

Предложенные Президентом в 2000 г. нормативные правовые акты, направленные на усиление действия «скреп» государственного организма, оказались востребованными обществом, встревоженным открытыми проявлениями сепаратизма. Для преодоления этой угрозы национальной безопасности России была поставлена задача подготовить эффективную законодательную базу федерализма, которая обеспечила бы единство системы государственной власти в соответствии с основами конституционного строя и общими принципами организации исполнительной, представительной и судебной ветвей власти. Особая роль в укреплении вертикали власти отводилась создаваемым федеральным округам.

Одним из резервов укрепления российской государственности В.В.Путин страны назвал федеративную и национальную политику, отвечающую историческим и духовным традициям России и современным вызовам времени.

В новых условиях России необходима особая чуткость к здоровым началам нашей истории и опыту формирования содружества народов. Распад СССР, трудное время поисков выхода из кризиса, сопровождаемое проявлениями сепаратизма и конфликтами, потоками беженцев и вынужденных переселенцев, экстремизмом в разных его проявлениях, чеченским кризисом, атаками международного терроризма на единство страны, ошибками в проведении реформ и другими бедами, – все это во многом порушило мир и согласие между народами России. Но здоровые основы исторически сложившегося единства народов еще сохраняются.

Неиссякаемым источником возрождения нашего государства является полиэтническое и конфессиональное богатство России. Но чтобы так было в действительности, этот родник должен быть чистым и животворным.

Магистральным направлением укрепления государственности по-прежнему остается развитие и углубление федерализма, достижение единства взглядов на его фундаментальные основы.

Однако и в теории, и в практике государственного строительства и управления все еще недостаточно прорабатывается и учитывается одно из краеугольных положений Конституции Российской Федерации 1993 г., которое трансформировало старую советскую модель **этнического** федерализма в принципиально новую модель федерации – **территориальную**. Тем самым был конституирован новый формат государственной политики в области федеративных и национальных отношений: равноправие субъектов Федерации, единство системы государственной власти, равноправие и самоопределение народов в Российской Федерации, равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, отношения к религии, а также других обстоятельств (ст. 5, 19). При этом в ст. 3 говорится, что носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ.

В то же время по старой традиции распространяется трактовка государственности республик как формы самоопределения титульной нации. В условиях, когда границы расселения народов не совпадают с границами субъектов Федерации (только треть народов, давших наименование республикам и автономным образованиям, проживает в их пределах, а в большинстве из них титульная нация составляет менее половины населения), такого рода этнизация с соответствующим распределением властных полномочий, подбором кадров, формированием трудовых коллективов и т. д. ведет к национальной и клановой солидарности, усиливает межэтническую напряженность.

Зачастую отдельные выгодные и престижные экономические ниши и профессии монополизируются по этническому признаку, что автоматически придает столкновению финансово-экономических интересов форму межэтнического противоборства.

Подобные теория и практика не только нарушают базовые конституционные принципы, но и питают другие разрушительные идеи типа республиканизации (огосударствления) или губернизации субъектов Федерации, либо создания отдельной Русской республики. В этом контексте, видимо, следует рассматривать и настоятельное продвижение проекта Федерального закона «О русском народе», который обсуждается в комитетах Государственной Думы.

«Горючим материалом» для вспышек этнополитической вражды, подрывающей основы федерализма, нередко бывают непродуманные либо сознательно провокационные высказывания политических деятелей разного ранга, лидеров национальных объединений и общественных движений, содержащие этническую предубежденность, а то и искаженную информацию об истории и традициях того или иного народа. Этноконфликтогенная составляющая проникает подчас и в школьное образование, в том числе в систему школ с этнокультурным (национальным) компонентом, особенно в процессе преподавания истории, трактовки отдельных этапов формирования Российского государства. Нейтрализация подобных проявлений и действий является исключительно деликатной, но очень важной задачей политической и воспитательной работы в каждом регионе страны.

Особенно опасны в этой связи невыверенные и безапелляционные формулировки, суждения и оценки со стороны официальных лиц и структур, так или иначе затрагивающие национальное и религиозное самосознание личности или этноса.

Например, органами правопорядка в широкий обиход введен криминальный термин «этническая преступность». Действительно, в стране действует немало преступных группировок, в которых преобладающее большинство составляют представители определенного этноса. Видимо, бороться с этими группировками надо, учитывая, в том числе, и специфические особенности их национального менталитета. Но квалифицировать их, не допуская расширительности. Иначе в общественном сознании складываются уничижительные стереотипы, когда часть отождествляется с целым – народом.

Безусловно, гнев и омерзение вызывают разного рода фобии, организованные бесчинства и погромы, учиняемые фашиствующими группировкам, открыто исповедующими идеи нацизма. С этой нарастающей волной экстремизма надо бороться всеми доступными средствами, ибо она является открытым вызовом обществу и сохранению единства страны. Но не менее опасно, когда, казалось бы, в благородном стремлении победить это зло, в сознание широких масс настойчиво вбивается мысль об угрозе «русского фашизма». Нет необходимости доказывать, что соединение понятий «фашизм» и «русский» противоестественно. Они непримиримы по определению, ибо русский народ в первую очередь стал могильщиком фашизма и нацизма, понеся неисчислимые жертвы, и он всегда был чужд разного рода идеям арийства и генетического превосходства. «Русский» – нация не столько по крови, сколько по духу.

Если ставится цель в полной мере использовать полиэтническое и конфессиональное богатство России для укрепления ее государ-

ственности, а в этом нет сомнения, надо оставить за бортом такие оскорбительные раздражители общероссийского духа, как «этническая преступность», «русский фашизм», «исламский экстремизм», не говоря об уже ставшем привычным выражении «лицо кавказской национальности». По законам этнопсихологии оскорбительный раздражитель вызывает адекватную эмоциональную реакцию. Более того, он способствует формированию солидарности даже с негативным явлением, вызывает обратную реакцию. Не исключено, что эта особенность человеческой психики может эксплуатироваться осознанно, чтобы разжечь вражду народов, возбудить русофобию и антисемитизм, столкнуть между собой православных, мусульман, иудеев.

В России в последние годы складывается определенная системность в воспитании культуры межнациональных и межконфессиональных отношений. Ведущую роль в этом играют многообразные институты гражданского общества. Сделан акцент на переключение этнических проблем из сферы политики и огосударствления в культурно-просветительную и культурно-образовательную сферу. Для этого имеется необходимая нормативная правовая база. Этой же цели служит федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактики экстремизма в российском обществе», принятая в 2001 г. Эталоном планирования и методики работы в этом направлении может служить комплексная городская программа «Москва на пути к культуре мира», которая уже действует и приносит хорошие результаты при всех сложностях, в которых находится столица, принявшая на себя в последние годы основной поток мигрантов.

Обоснованные надежды возлагаются на национально-культурные автономии (НКА), которые поддерживают конструктивное взаимодействие с государственными структурами и обществом.

По данным органов юстиции (на 2002 г.) в Российской Федерации зарегистрированы: 14 федеральных НКА, более 100 региональных и более 2000 местных. Это можно рассматривать как совершенно новое социокультурное явление в жизни полиэтнической России. В целом Законом «О национально-культурной автономии» воспользовались более 30 национальностей. Являясь партнерами государственной власти, эти организации во многом способствуют достижению национального согласия в регионах России.

В то же время, исходя из анализа деятельности НКА, можно сделать вывод, что желаемого эффекта Закон пока не дал как для организационного укрепления НКА, так и в решении задач культуры, образования, нейтрализации межэтнических конфликтов. Не удалось до сих пор создать понятный образ (модель) национально-культурной автономии местного, регионального или федерального уровня.

Справедливости ради надо отметить, что к национально-культурным автономиям довольно пассивно относятся многие чиновники, видя в них бациллы национализма и сепаратизма, а еще больше из-за скудности бюджета, хотя в 40 субъектах России предусматриваются расходы на деятельность этих общественных институтов. В этой связи важно решить две задачи: деполитизировать содержание работы НКА и научиться зарабатывать деньги, как это принято в западных странах, что конечно же не снимает вопрос о финансовой поддержке НКА на федеральном и местном уровне власти, как это и предусматривается Законом.

Сомнительной является поправка к Закону об НКА, принятая Государственной Думой во втором чтении, устанавливающая, что «субъектом права на создание национально-культурной автономии является только определенная этническая общность, находящаяся в ситуации национального меньшинства на соответствующей территории». Учитывая подвижность миграционных потоков и наличие в республиках законов о государственном, а то и двух-трех государственных языках титульных наций, такая формула может оказаться дискриминационной.

Настораживает и тот факт, что число местных НКА незначительно (2000) на всю страну, причем пятая часть из них создана в Москве. А ведь это фундамент, основное поле их деятельности. На местном уровне, совместно с органами местного самоуправления, в ведении которых находятся культура и образование, в первую очередь решаются те задачи, которые предписаны Законом о национально-культурных автономиях. Здесь же прежде всего решаются и задачи культуры межэтнического общения. Федеральные и региональные национально-культурные автономии при такой ситуации оказываются штабами без армии, что объективно направляет их работу в русло этнополитики, а не на практическую помощь национальным меньшинствам и диаспорам, в русло конкурентной борьбы за власть и близость к власти в лучшем случае, а в худшем – к провоцированию напряженности. Представляется, что было бы целесообразно обусловить в Законе более жесткие принципы создания региональных и федеральных НКА.

Во многих территориях национально-культурные автономии вообще не прижились. Не везде функционируют при органах исполнительной власти и рекомендованные Законом консультативные советы. Особенно плохо обстоит дело с обобщениями практики работы НКА. Нет ответа и на вопрос, стала ли жизнедеятельность национально-культурных автономий, по сравнению с одновременно действующими национальными общественными объединениями, более высоким типом самоорганизации этносов и лучше обеспечен-

ной действующими механизмами исполнения федерального закона. Практически не слышно голоса руководителей НКА всех уровней в СМИ, хотя ст. 15 названного Закона требует, чтобы государственные аудиовизуальные средства массовой информации представляли НКА эфирное время, а в федеральных и региональных программах финансовой, организационной поддержки предусматривалась помощь средствам массовой информации, издаваемым национально-культурной автономией.

Можно предположить, что эти изъяны связаны и с тем, что прекратилось функционирование профильного министерства. Назрела необходимость и в создании по примеру Москвы, где плодотворно работает Дом национальностей, еще одного центра – Всероссийского Дворца народов России, о необходимости которого говорилось в «Концепции государственной национальной политики», утвержденной Указом Президента Российской Федерации в 1996 г. По праву местом его нахождения мог бы стать Центральный федеральный округ, а финансирование его строительства осуществлялось бы при долевом участии всех субъектов Российской Федерации.

Этнокультурная политика в содержательном и практическом аспектах выходит еще на ряд проблем. Среди них – политика в отношении соотечественников за рубежом и в сфере миграции.

Проблема удовлетворения этнокультурных потребностей наших соотечественников и их правовой защиты сформулирована В.В.Путиным на Конгрессе соотечественников в октябре 2001 г.: развитие общего культурного и информационного пространства, поддержка русского языка, распространение классической и современной российской литературы. Но главное, что было отмечено Президентом, надо сохранить узы единства и чувство общей Родины – России. Выверенная политика в отношении соотечественников за рубежом – это также неиссякаемый ресурс укрепления российской государственности.

Важным элементом национальной политики стала миграция населения. Если до 1970 г. она в основном происходила из РСФСР, то в нынешнее время до 800 тыс. человек ежегодно пребывает в Российскую Федерацию. К 2003 г. в Россию прибыло, по официальным данным, около 3 млн человек, а также более 800 тыс. вынужденных переселенцев и беженцев. Таким образом миграция стала существенным и, по-видимому, долговременным фактором, прямо влияющим на демографическую ситуацию в стране и способствующим некоторой компенсации потерь от избыточной смертности и низкой рождаемости

Наконец, все большую роль будет играть старение населения как следствие демографического перехода. Это приведет к сущест-

венному повышению доли старших поколений в возрастной структуре общества с соответствующими изменениями ценностных связей и возрастающими требованиями к обеспечению старших поколений как все более многочисленной части общества и требующей существенной части бюджета[1].

Коэффициент демографической нагрузки изменится следующим образом. Если на 1000 человек трудоспособного возраста сегодня в России приходится 646 трудоспособных, в том числе моложе трудоспособного возраста 305, а старше трудоспособного возраста 341, то в 2016 г. эти цифры соответственно составят 256 и 415, т. е. доля старшего поколения возрастет на 20%, а младшего сократится на 17%. По ЦФО вырисовываются еще худшие показатели, особенно по молодежи, доля которой в графе демографической нагрузки сократится на 30%.

В обозримом будущем усложнится этническая структура иммигрантов, а следовательно, всего населения России за счет диаспор народов, проживающих преимущественно за пределами территории России. В этой связи воспитание толерантности к представителям различных национальностей становится одной из главных задач государства и институтов гражданского общества. Разъяснениями типа «нет плохих народов» или «в каждом народе есть негодяи» проблемы не решить. Необходима системная работа, начиная с семьи, школы, до трудового коллектива не только по защите прав, но и ответственности, культуры поведения, взаимного познания этнокультурных традиций народов. Особо важно, чтобы такими знаниями и навыками обладали не только профессиональные воспитатели, но и работники правоохранительных органов, налоговых, муниципальных, медицинских служб, военные командиры и др.

Как показывают социологические исследования, отношение населения, особенно молодежи, к иммигрантам ухудшается. Так, по данным опросов только 10,1% респондентов-россиян выразили свою готовность приложить какие-либо усилия, содействующие улучшению положения иммигрантов, 36,7% не готовы оказывать помощь иммигрантам в улучшении их положения, 18,7% совсем не готовы к этому. Эти данные не могут не настораживать. Действительно, надо сделать очень многое для того, чтобы прибывшие в Россию люди почувствовали себя полноправными россиянами, чтобы Россия стала их второй родиной, тем более, что это в интересах самой же России.

Трудно не согласиться с мнением профессора М.Р.Деметрадзе, что возрастающая «мигрантофобия» замедляет процесс социокультурной

[1] См.: *Капица С.П.* Динамика роста населения Земли и демографической положение России // Глобальный кризис Западной цивилизации и Россия. М., 2000. С. 127.

интеграции, ведет к сегрегации, замкнутости с целью сохранения своей самобытности. В силу этого происходит то, что можно назвать «негативными культурными мутациями». Они способствуют накоплению и закреплению негативных этнических стереотипов, которые порождают этнофобию и ксенофобские настроения, в конечном счете конфликты[1]. В связи с этим особенно актуальным становится понимание необходимости интеграции переселенцев в принимающей среде, что должно быть обеспечено специальными программами.

Социологические опросы, проведенные под руководством доктора исторических наук М.Н.Губогло в 2002 г. среди учащихся старших классов в трех городах ЦФО (Брянск, Москва, Рязань) и Казани, показывают, что по сравнению со старшими поколениями страны растет нетерпимость по отношению к представителям другой национальности. (см. табл.)

Индикаторы интолерантности
в этнической и религиозной сферах
(в % по итогам опроса)

Индикаторы интолерантности	Центральный федеральный округ				Приволжский федеральный округ
	Всего	в т. ч. в городах			
		Брянск	Москва	Рязань	Казань
Отношение к религии: с религией надо бороться (воинствующая, агрессивная интолерантность)	0,8	0,4	0,5	1,7	0,6
Мы не должны быть терпимы к людям другого вероисповедания	14,2	13,0	14,6	15,7	5,1
Люди одних национальностей от природы лучше людей других национальностей	16,8	19,3	14,1	16,3	15,0
Мы не должны быть терпимы к людям других национальностей	17,7	16,9	18,8	17,4	-
Несогласие с тем, что когда люди различных национальностей живут рядом, общество духовно богаче и культурнее	37,8	35,5	40,6	38,4	15,3
Представители других национальностей вызывают негативное отношение	64,7	70,1	60,4	61,6	46,2

[1] См.: Проблемы национальных отношений в условиях глобализации. М., 2001. С. 178, 184.

Убеждение в том, что люди одних национальностей от природы лучше людей других национальностей, распространено среди 16,8% школьников трех городов ЦФО, 15% – в Казани. Рядом с этой установкой еще одно опасное заблуждение в том, что мы не должны быть терпимыми к людям других национальностей, укрепилось в представлениях 17,7% школьников.

Ограниченный опыт межэтнических контактов, слабое знание истории и культуры других народов, вероятно, стало причиной пессимистического, негативного представления школьников относительно поликультурного общества. Как показал опрос, более чем каждый третий школьник (37,8%) выразил свое несогласие с тем, что когда люди различных национальностей живут рядом, общество духовно богаче и культурнее. Веским основанием, подтверждающим этот вывод, служат данные опроса в многонациональной Казани. Здесь доля школьников, отрицающих полезность многокультурности, составила 15,3%, или в 2,6 раза меньше, чем в Москве, и в 2,5 раза меньше, чем в среднем в трех городах ЦФО (см. табл.). Удручают и такие цифры, когда по данным опроса более 60% школьников городов ЦФО и около 50% Казани считают, что представители других национальностей вызывают негативное отношение. В советское время при всех неточностях проведенных опросов эта цифра, например в Москве, не превышала 8–10%.

Как видим, в ряде случаев межэтнические контакты не только затруднены, но и сведены к оценке невозможности совместного проживания. Эта ситуация подсказывает необходимость усиления не только собственно управления этнополитическими процессами, но и в первую очередь постоянной корректировки самих задач этнополитического управления: как следует выстраивать общество, обустраивать государство, чтобы каждый человек не только осознавал национальную самобытность, но и межнациональную общность в масштабе всего государства, воспринимал бы полиэтничность как благо и потенциал роста.

Для решения этих проблем требуются не только громадные усилия государственных структур, федерального центра, субъектов Федерации, Федеральных округов, но и преодоление кризиса идентичности. Были Российская империя, Советский Союз, известные идеологемы «Православие. Самодержавие. Народность», «пролетарский и социалистический интернационализм», извечное противостояние «почвенников» и «западников». Что дальше?

Главным на этом тернистом и величественном пути от Руси к России является то, что и в трудные времена не случилось междоусобиц, которые можно было бы поставить в вину русскому народу. За всю многовековую историю сколько Россия вобрала в себя племен

и народов, столько и сохранила. Именно поэтому нельзя найти выверенный ответ на вопрос о нашей идентичности, не прояснив роли и места русского народа на новом пути России.

По меньшей мере, два фактора отчасти дают ответ на поставленный вопрос. О них глубоко и проникновенно говорил Ф.М.Достоевский.

1. Фактор исторический.

Провидение изначально поставило Россию между нехристианским Востоком и западной формой христианства.

Россия с решительным успехом отстаивала себя и от Востока, и от Запада. Эта внешняя борьба с обоими противниками была необходима для внешнего сложения и укрепления России, для образования ее «государственного тела». Но вот эта внешняя задача исполнена, старый антагонизм теряет свой смысл. Россия достаточно показала и Востоку, и Западу свои физические силы в борьбе с ними. Теперь предстоит показать свою духовную силу в примирении. Для России это значит найти новое нравственное положение, избавиться от необходимости продолжать противохристианскую борьбу между Востоком и Западом и возложить на себя великую обязанность нравственно послужить и Востоку, и Западу, примиряя в себе обоих. Эта обязанность и это назначение не придуманы для России, а даны ей христианскою верой и историей. Вот высшая задача и обязанность России. И таков ее общественный идеал[1].

2. Фактор этический.

Говоря о России, Достоевский не мог иметь в виду национальное обособление. Напротив, все значение русского народа он полагал в служении истинному христианству, в нем же нет «ни эллина, ни иудея».

Достоевский никогда не идеализировал русский народ и не поклонялся ему как кумиру, выделяя две его характерные черты. Во-первых, необыкновенную способность усваивать дух и идеи других народов, перевоплощаться в духовную суть всех наций – черту, которая особенно выразилась в поэзии Пушкина. Вторая, еще более важная черта, которую Достоевский указывал в русском народе, – сознание своей греховности, слабость национального эгоизма и исключительности, неспособности возводить свое несовершенство в закон и право успокаиваться на нем. Отсюда требование лучшей жизни, жажда очищения и подвига[2].

Два фактора, о которых говорил Достоевский, подводят к выводу о новом смысле общественного идеала современной России. Ин-

[1] Цит. по: *Соловьев В.С.* Избранное. М., 1990. С. 101–105.
[2] Там же. С. 105–107.

тегрирующий в своей основе характер этнополитических процессов в России идет, прежде всего, через идентификацию русского этноса и его перспектив как опоры российской государственности. Но при этом надо иметь в виду, что процесс как этнической консолидации, так и консолидации полиэтничности многонационального народа России еще не закончен.

В этой связи особенно актуальна необходимость принятия мер, которые бы воспрепятствовали утрате самобытности русского и других народов страны.

Сто лет назад философ и поэт В.Соловьев писал: «В настоящее время, при искусственном возбуждении в русском обществе грубоэгоистических инстинктов и стремлений… духовное развитие России задержано и глубоко извращено, национальная жизнь находится в подавленном и болезненном состоянии и требует коренного исцеления»[1].

Злободневность этих слов трудно оспорить и в наше время.

И второй, не менее важный общественный идеал – понимание того, что «свой путь» России – это общенациональная вера и общенациональное восприятие принадлежности всех народов страны к единой цивилизации, имя которой Россия.

При этих условиях этническое и конфессиональное многообразие действительно может стать мощным фактором не только укрепления российской государственности, но и примером достижения межцивилизационного мирового согласия. Как справедливо подчеркивал А.Тойнби, Россия, состоящая из множества народов, унаследовавших различные культуры, вобравшая в себя и способная примирить цивилизации Запада и Востока, сама является «моделью мира» в целом.

[1] *Соловьев В.С.* Избранное. С. 28.